

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
Национальный комитет славистов
Российской Федерации

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

XI Международный
съезд славистов

Братислава, сентябрь 1993 г.

Доклады российской делегации

Ответственный редактор
академик Н.И. Толстой

МОСКВА НАУКА 1993

- Išačenko A.V.* Začiatky vzdelanosti vo Velkomoravskej ríši. Turčianský Sv. Martin, 1948.
- Jagić V.* Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Wien, 1913.
- Király P.* K otázke cyrilo-metodejských tradícií v Uhorsku: otázka hlaholských pamiatok // Slovo. 21. 1971.
- Kiss L.* Ungarisch-slawische Wechselbeziehungen in der Sprache // Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio linguistica, 1973.
- Klich E.* Polska terminologia chrześcijańska. Poznań, 1927.
- Kniezsa I.* Die Slawenapostel und die Slowaken. Bp., 1942.
- Kniezsa I.* Autour du problème des traditions de Cyrille et Méthode // Etudes slaves et roumaines 1, fasc. 4. 1948.
- Kniezsa I.* A magyar nyelv szláv jövevényszavai. I—II. Bp., 1955.
- Kniezsa I.* Zur Frage der auf Cyrillus und Methodius bezüglichen Traditionen auf dem Gebiete des alten Ungarns // Cyrillo-Methodiana. Köln; Graz, 1964.
- Koneski B., Vidoski B., Jašar-Nasteva O.* Distribution des balkanismes en macédonien. Skopje, 1966.
- Kronsteiner O.* Salzburg und die Slawen. Mythen und Tatsachen über die Entstehung der ältesten slawischen Schriftsprache // Die Slawischen Sprachen, Bd. 2. 1982.
- Maček V.* Etymologický slovník jazyka českého. Pr., 1971.
- Matejka L.* On translating from Latin into Church Slavonic // American Contributions to the Sixth International Congress of Slavists. Vol. 1. Linguistic Contributions. The Hague, 1968.
- Melich J.* Szláv jövevényszavaink. I. Az óbolgár nyelvmemlékek szólészlete és magyar nyelv szláv jövevényszavai. II. A magyar nyelv keresztény terminológiája. Bp., 1903, 1905.
- Melich J.* Szláv jövevényszavaink eredetéről // Nyelvtudományi Közlemények 39. 1909—1910.
- Melich J.* Nyelvünk szláv jövevényei. Bp., 1910.
- Melich J.* Die Herkunft der slavischen Lehnwörter der ungarischen Sprache // Archiv für slavische Philologie 32. 1910a.
- Melich J.* A honfoglalás kori Magyarországon. Bp., 1925.
- Miklosich Fr.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinarum. Vindobonae, 1862—1865.
- Miklosich Fr.* Die slavischen Elemente im Magyarischen. Wien, 1871.
- Miklosich Fr.* Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen. Wien, 1875.
- Miklosich Fr.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Moravcsik Gy.* Bizánc és a magyarság. Bp. 1952.
- MT 1/1 — Magyarország története: Előzmények és magyar történet 1242-ig. / Főszerk. Székely Gy. Bp., 1984.
- Olesch R.* Die christliche Terminologie im Dravänapolabischen // Zeitschrift für slavische Philologie 39. 1976.
- Pauliny E.* Slovesnost' a kultúrny jazyk Veľkej Moravy. Bratislava, 1964.
- RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika I—XIX. Zagreb, 1880—1967.
- SJS — Slovník jazyka staroslovenského 1-. Praha, 1959-.
- Skok — Skok P. Etimologijski rječnik hratskog ili srpskog jezika, knj. 1—3. Zagreb, 1971—1973.
- Stanislav J.* Slovenská liturgia na Slovensku a sídlo Metodovo a Gorazdovo. Bratislava, 1941.
- Stanislav J.* Slovenský juh v stredoveku. I. diel. Turčiansky Sv. Martin, 1948.
- Szegfű L.* Pogányság és kereszténység a XI. századi Magyarországon // Fejezetek a régebbi magyar történelemből. Bp., 1985.
- TESz — A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. 1—3. köt. Bp., 1967—1976.
- Tóth I.H.* Adalékok a korai magyar-szláv egyházi és kulturális kapcsolatok kérdéséhez // Fejezetek a régebbi magyar történelemből. Bp., 1985.
- Volf Gy.* Az egyházi szláv nyelv hazája és a magyar honfoglalás // Nyelvtudományi Közlemények 27. 1897.
- Wandas A.* Słowiańskie kręsti "baprisare" // Slawistyczne studia językoznawcze. W, 1987.
- Zagiba F.* Die bairische Slavenmission und ihre Vorsetzung durch Kyrill und Method // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Nr. 1. 1961.
- Zoltán A.* A hálát ad kifejezés eredetéről // Szlavisztikai tanulmányok: Emlékkönyv Király Péter 70. születésnapjára. Bp., 1987.

ПРАСЛАВЯНСКАЯ АКЦЕНТОЛОГИЯ И ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ

Настоящий доклад представляет собой продолжение отчета об исследованиях последних лет в области исторической акцентологии славянских языков, которые позволили впервые обосновать на твердой фактологической основе предложенную нами схему праславянского диалектного членения¹. Дело в том, что различия между акцентуационными системами, возникшие в результате тривиальных фонетических процессов (перетяжек ударения, сокращения долгот и т.д.), в дальнейшем, морфонологизуясь, сохраняют устойчивость и при контактных взаимодействиях диалектов. Акцентуационные модели пронизывают всю морфонологическую систему языка, обладая при этом низкой смыслоразличительной функцией, в результате чего специфические признаки этих моделей, деформировавшись в одной грамматической категории, достаточно регулярно сохраняются в других. Эти модели, как правило, не могут быть заимствованы другими системами уже в силу своего крайне сложного морфонологического устройства. Чересполосица древних акцентуационных систем на славянских территориях указывает на явно гетерогенный характер таких поздних общностей, как восточнославянская, южнославянская или западнославянская. Анализ древних акцентологических изоглосс и сопоставление их с неакцентологическими приводит к установлению новых пучков изоглосс, образование которых может быть привязано к определенному моменту истории. Без акцентологической составляющей эти пучки, как правило, не могут быть однозначно интерпретированы в терминах относительной хронологии.

В результате проведенных исследований нами были выделены 4 группы славянских диалектов, в настоящее время относящихся к разным лингвогеографическим ареалам. Каждая из этих групп (по крайней мере II, III и IV) характеризуется специфическим набором акцентных инноваций (поздне)праславянского времени, генетический (а не типологический) характер которых может считаться доказанным (см. Докл.; Оса; Николаев АДД). Ниже будут изложены некоторые новые взгляды на пути преобразования праславянской акцентной системы и приведена уточненная классификация славянских диалектов, основанная на распределении древних акцентных инноваций.

¹ Речь идет именно о реконструкции реального диалектного членения — сама идея о (поздне)праславянской диалектной раздробленности в принципе никем не оспаривается, и поиски специфических совпадений между несмежными диалектными ареалами (в основном в области лексики и словообразования) дали большой материал, подтверждающий вторичность лингвогеографического положения многих засвидетельствованных славянских диалектов. Предшествующие результаты наших исследований см. в: Булатова Р.В., Дыбо В.А., Николаев С.Л. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов М., 1988; Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990.

Как уже говорилось в других наших работах, по крайней мере две выделяемые по данным исторической акцентологии праславянские группировки можно связать с установленным археологами членением праславянского культурного ареала. Географическое расположение большинства диалектов II группы (восточные Балканы, восток Карпатской области, значительная часть территории Западной Украины) позволяет связать их с антским племенным союзом и, соответственно, с "антским" вариантом праславянской археологической культуры V—VII вв., характеризующейся в первую очередь керамикой пражско-пеньковского типа. Диалекты III группы, расположенные в основном в западной части славянской языковой территории и в Полесье, видимо, связаны со "словенским" вариантом, характеризующимся керамикой пражско-корчаковского типа². Интересно также отметить, что к настоящему времени, в результате переселений славянских племен в дописьменный период, носители диалектов II группы во всех новых славянских языковых общностях (западно-, восточно- и южнославянских) оказались в западных регионах последних (см. Докл.).

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРАСЛАВЯНСКУЮ АКЦЕНТНУЮ СИСТЕМУ

Рассмотрение акцентологических феноменов в лингвогеографическом аспекте потребовало значительного увеличения полноты информации для заполнения карты славянской языковой территории (как современной, так и в других хронологических срезах). За время после X съезда славистов было изучено большое количество современных и средневековых (по материалам рукописей) диалектных акцентных систем, многие особенности которых, как выяснилось, с трудом поддаются объяснению с точки зрения "стандартной" акцентологической реконструкции, принятой Московской акцентологической школой (см. Дыбо СА, ОСА).

В первую очередь это касается действия "закона Дыбо—Иллич-Свитыча, согласно которому дрейф ударения на последний слог с краткостных и циркумфлектированных слогов ортотонических балто-славянских форм считался общеславянским (см. ОСА, 84).

Наблюдается поразительное согласование акцентных кривых *i*-глаголов а.п. b_2 в восточноболгарских системах (типа тех, что отражены в ст.-тырновских памятниках, см. ОСА, 229—252, в рукописи Зогра. 151, а также, в более архаичном во многих отношениях виде, в старосербской рукописи "Книги царств" XV в., отражающей близкий к вост.-болгарскому по акцентуации торлакский диалект пиротского типа)³, и "кривой" западнославянских количественных отношений соответствующих глаголов. Чередование количеств, которое можно назвать "кривой количеств", восстанавливается для западнославянских долгосложных *i*-глаголов а.п. b на основе показаний

² См.: Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 104—133.

³ Ниже эта система будет условно называться "архаической староболгарской", хотя, разумеется, имеются другие старо- и новоболгарские системы, отличные от рассматриваемой здесь.

древнечешского, древнепольского и поморских диалектов (см., например, Lorentz Gr. Pom. III, 1032).

Праславянская парадигма *i*-глаголов включала два варианта основ — презентную, в которой "полутематическое" *-i-* имело балто-славянский циркумфлекс (эта основа, видимо, в праславянском была представлена только в личных формах презенса) и аористо-инфинитивную, в которой "полутематическое" *-i-* имело балто-славянский акут. "Полутематическое" *-i-* было доминантным у итеративных и рецессивным у каузативных и деноминативных глаголов (ОСА, 111—120).

Акцентная кривая а.п. с *i*-глаголов с рецессивным суффиксом характеризовалась чередованием: а) форм-энклиноменов, в которых "тема *-i-*" имела балто-славянский рецессивный акут; б) окситонированных форм с рефлексом "нового акута"; в) форм с доминантным ("старым") акутом на *-i-* (а также на *-*jŕ* 1 sg. praes.), возникшим в основном в результате действия закона Хирта—Иллич-Свитыча⁴. Стандартная реконструкция парадигмы соответствующих глаголов а.п. b_2 включает в себя: а) формы с "новым акутом" на циркумфлектированном суффиксе *-i-*; б) формы со "старым акутом" на акутированном суффиксе *-i-*. Однако архаическая староболгарская система, имея баритонезу с "новым акутом" на корне, регулярно соответствующую формам с ударением на "теме" в стандартной реконструкции, показывает не объясняемое этой реконструкцией разделение форм с акутированным суффиксом: одни из них "регулярно" окситонированы (т.е. имеют ударение на *-i-*, напр., инфинитив), другие же — "нерегулярно" баритонированы (I-причастия, формы аориста и т.д.).

Это распределение находит прямое соответствие в зап.-слав. чередованиях количеств: ст.-болгарским баритонированным формам соответствуют зап.-славянские формы с корневой долготой, ст.-болгарским окситонированным формам — формы с зап.-славянской корневой краткостью. Соотношение архаической ст.-болгарской и зап.-славянской парадигм *i*- глаголов а.п. b показано в табл. 1.

Обращает на себя особое внимание то, что формы с сохранением зап.-славянской долготы *gesp.* баритонированные ст.-болгарские формы соответствуют у глаголов а.п. с формам-энклиноменам и ортотоническим формам с "новым акутом" и конечным ударением, тогда как формы с зап.-славянской краткостью *gesp.* с ударением на "теме" *-i-* в архаической ст.-болгарской системе — формам а.п. с ударным ("старым") акутом на "теме".

При этом объяснить архаическую ст.-болгарскую акцентную кривую, исходя из примата зап.-славянского чередования количеств, т.е. как вторичную по отношению к последнему, очевидно, невозможно, так как ст.-болгарская акцентная кривая присуща не только долготным, но и краткостным *i*-глаголам а.п. b_2 . Наиболее естественным было бы объяснить зап.-славянское чередование количеств, приняв, что оно возникло, когда зап.-славянские языки имели в данных формах акцентовку, тождественную архаической ст.-болгарской. В этом случае

⁴ О балто-славянском рецессивном и доминантном акуте см. Николаев 1989, 96—97.

Таблица 1

	Акцентная кривая <i>i</i> -глаголов а.п. <i>b</i> в архаичных староболг. системах		Западнославянская "кривая" количеств <i>i</i> -глаголов а.п. <i>b</i>	Праславянская реконструкция акц. кривой <i>i</i> -глаголов а.п. <i>c</i>
	краткосл.	долгосл.		
inf.	творѣти	сѣдѣти	<i>sǫdǣti</i>	* <i>sadǣti</i>
sup.	твѣритъ	сѣдитъ ¹	<i>sǫdǣt</i> (?)	* <i>saditъ</i>
praes. sg. 1	творѣ	сѣждѣ	<i>sǫǰǰ²</i> (?)	* <i>sadjǰ²</i>
	2 твѣриши	сѣдиши	<i>sǫdǣš</i>	* <i>sadišǣ</i>
	3 твѣритъ	сѣдитъ	<i>sǫdǣ</i>	* <i>saditъ</i>
pl. 1	твѣримъ	сѣдимъ	<i>sǫdǣme</i>	* <i>sadimъ</i>
	2 твѣрите	сѣдите	<i>sǫdǣite</i>	* <i>sadite</i>
	3 твѣратъ	сѣдате	<i>sǫdǣ</i>	* <i>sadētъ</i>
imper. sg. 2	твѣри	сѣди	<i>sǫdǣ</i>	* <i>sadǣ</i>
	pl. 2 твѣрите	сѣдите	<i>sǫdǣite</i>	* <i>sadǣite</i>
ptc. praes. act. masc. sg. nom.	[твѣра]	[сѣда]	<i>sǫdǣ³</i> (?)	* <i>sadǣ³</i>
	acc. твѣрашь	сѣдашь	<i>sǫdǣš</i>	* <i>sadētъ</i> jь
pl. nom.	твѣраше	сѣдаше	<i>sǫdǣše</i>	* <i>sadētъ</i> jě
	aor. sg. 1 твѣрихъ	сѣдихъ		* <i>sadǣxъ</i>
2-3	твѣри	сѣди		* <i>sadi</i>
	pl. 1 твѣрихомъ	сѣдихомъ		* <i>sadixomъ⁴</i>
3	[твѣристе]	[сѣдисте]		* <i>sadǣiste</i>
	твѣриша	сѣдиша		* <i>sadǣšę</i>
	l-ptc. sg. m твѣрилъ	сѣдилъ	<i>sǫdil</i>	* <i>sadilъ</i>
f твѣрила	сѣдила	<i>sǫdila</i>	* <i>sadilā</i>	
n твѣрило	сѣдило	<i>sǫdilo</i>	* <i>sadilo</i>	
pl. m	твѣрили	сѣдили	<i>sǫdili</i>	* <i>sadili</i>
	f твѣрилы	сѣдили	<i>sǫdily</i>	* <i>sadily</i>
	n твѣрила	сѣдила	<i>sǫdilā</i>	* <i>sadilā</i>

Комментарии к табл. 1: В квадратные скобки заключены формы, акцентовка которых, видимо, является вторичной, возникшей по аналогии с другими формами парадигмы. 1. Супин слабо засвидетельствован в староболгарских текстах. О противопоставлении ударения супина *i*-глаголов а.п. *b* инфинитивному, видимо, свидетельствует баритонированная форма поглотить в НБКМ 93, л. 396. 2. Противопоставление корневого количества 1 sg. praes. глаголов а.п. *b* другим формам praes. подтверждается чешским чередованием 1 sg. *mohu*: 2 sg. *můžeš*, 3 sg. *může* и т.д. (начиная с древнечешского, см. Gebauer III, 2, 33, § 17). Первоначальная доминантность 1 sg. praes. (ср. подобную ситуацию в 2-3 sg. impreg. и sg. m/p ptc. praes. act.) подтверждается сохранением оротонических приставочных форм в архаических гуцульских и западноболгарских говорах (см. Дыбо 1983, Николаев 1991). Бесприставочная баритонированная форма является, таким образом, "новым энклиноменом" (см. ОСА, 177-178). 3. Краткость гласного в

былом пот. sg. m./n. устанавливается по архаичной системе говоров ганацкого (одного из западноморавских) диалекта чешского языка: краткость в деепричастии *mlat'a* и imper. *mlat'*, *mlat'ite* при долготе в praes. (*mlátim*, *mlátis* и т.д.), l-ptc. (*mláitl*, *-a*, *-o*) и инфинитиве (видимо, вторичной, проникшей из супина: *mlátiti*), см. Bartoš DM II, 30. С другой стороны, акутированная краткость *-e в этой форме подтверждается данными старосербской рукописи южноморавской локализации НБКМ 680 (см. о ее орфографической системе ниже): *veselě se* 277b, *molěse* 297a, *měse* 312a, *stidě se* 312 a, *ivěselě se* 344a, *troudě se* 347a, *tyšěse* 324b. В различных славянских системах засвидетельствованы также "новые энклиномены" на месте этой формы. 4. В а.п. с формант *-i* в инфинитиве *i*-глаголов доминантен, но тот же формант в супине или l-причастии явно рецессивен. Проблематичен характер этого *-i* в формах аориста. В нашей реконструкции принято, что в формах 2-3 sg. *-i* рецессивно, а во всех остальных формах доминантно. Это соответствует характеру акцентной кривой в штокавском, но в штокавском эта акцентная кривая принадлежит глаголам как праславянской а.п. с, так и а.п. b, которые слились в едином классе. Показания восточно-болгарских текстов архаической группы, напротив, указывают на сплошную рецессивность *-i* в аористе *i*-глаголов а.п. b. Это противоречие может быть разрешено допущением чередующегося характера данного *-i* в оротонических формах аориста, что, возможно, поддерживается реликтами такого чередования в так называемом "имперфекте в форме аориста" от глагола **byti*: бѣхѡмъ Ев.-апр. 7364, л. 2166 и (с двумя знаками ударения) ѣ бѣхѡмъ НБКМ 93, л. 956, при последовательно накоренном ударении во всех остальных оротонических формах этой категории (формы 2-3 sg., как и у обычного аориста от данного глагола, — энклиномены, ср. Нѣ бѣ Ев.-апр. 7364, л. 2a, Нѣ бѣ НБКМ 889, л. 33a), подобная же акцентовка спорадически отмечается в форме 1 pl. аориста и у глаголов на *-i*: *nasladixomъ sa* Служ. Евф. 70a. К такому решению, по-видимому, подталкивает и акцентовка "Книг царств", где при строго накоренном ударении в l-причастии *i*-глаголов а.п. b, в формах инфинитива, 1 sg. и 3 pl. аориста наблюдаются варианты с ударением на "теме" *-i*.

сокращение долгот в инфинитиве, императиве, 1 sg. praes. и nom. sg. ptc. praes. act. m./n. объяснялось бы положением долготного слога перед ударным акутированным слогом, а сохранение долгот в остальных словоформах — их ударной позицией под так называемым "новым акутом". Однако это решение не указывает на исключительную западнославянско-восточноболгарскую общность. Дело в том, что как сокращение долгот перед внутренним ударным акутированным слогом, так и противоречащее этому закону сохранение долготы в формах l-ptc. и аориста долгосложных *i*-глаголов а.п. b характерны фактически для всей территории южнославянской языковой области, на которой сохранились количественные противопоставления и соответствующие позиции. Правда, во всех известных сейчас южнославянских системах такого рода долгота проведена по всей парадигме долгосложных *i*-глаголов а.п. b, но процесс устранения сокращенных рефлексов в парадигме этих глаголов характерен и для зап.-славянской области (так в современных чешском, словацком и польском). Принятие предложенного решения должно означать, что в таких формах как ст.-хорв. (Крижанич) *стѣпил* (= *stǣpil*), *стѣпили*, *сѣдил* (= *sǣdil*), *потрѣбил*, *слѣжила*, состав. *povrǎñil*, *pozavlañil*, *svrñil* и под. сохранение долготы обязано её первичной ударности в системе акцентных кривых, максимально близкой архаической ст.-болгарской. А это означает, что акцентная система *i*-глаголов а.п. *b*₂ архаического ст.-болгарского типа не является результатом ретракции ударения с "темы" *-i*, а непосредственно отражает состояние,

предшествующее принятому в нашей реконструкции в качестве (поздне)праславянского. Для данных систем мы должны предполагать дрейф раннепраславянского ударения с корневого слога на доминантный акут⁵ и отсутствие такого дрейфа как на рецессивный акут, так и на долготные слоги, имевшие циркумфлексовую интонацию (т.е. в формах презенса).

В ст.-тырновской и близких к ней системах, кроме показанного выше сдвига ударения с краткостных и циркумфлектированных слогов на слоги с доминантным акутом, имеется лишь еще одна позиция сдвига ударения на внутренние слоги: ударение сдвигается на внутренние краткостные слоги как с долготных, так и с краткостных слогов (добрѣта, бѣлѣсть, женѣж, пом. pl. волѣве). На конечные слоги ударение также сдвигалось, если они имели доминантную акутовую интонацию (вина женѣ). Сдвигалось ударение и с долготных циркумфлектированных слогов на конечные слоги с несократившейся долготой (пом. pl. винѣ, ср. жѣны, см. ОСА 174, 222—225). В "старопиротской" системе известен еще один сдвиг ударения — на конечные краткостные слоги: грѣба при ст.-тырн. грѣба. Однако для ст.-тырновской и других близких к ней вост.-болгарских систем (система Константина Костенечского и т.д.) невозможно предполагать в этом случае вторичную ретракцию с конечного слога, т.к. тогда необъяснимо сохранение конечного ударения в формах а.п. с (gen. небесѣ > *nebesѣ) и в пом. sg. f. а.п. b и c (женѣ, винѣ, главѣ). Таким образом, приходится отказываться от предположения о так называемой "вост.-болгарской ретракции ударения" (см. ОСА, 164) и признать баритонезу в твѣрилѣ, грѣба и т.п. не инновацией, а архаизмом.

Такое предположение поддерживается и тем, что в болгарском языковом ареале обнаруживаются периферийные системы, в которых, по всей видимости, позиции действия закона Дыбо—Иллич-Свитыча были еще более ограниченными, сдвиг ударения направо осуществлялся в формах а.п. b и лишь на слоги с доминантным акутом. По-видимому, такая система отражена в родопских говорах, которые, к сожалению, еще недостаточно изучены; о древности ее свидетельствует среднеболгарский текст НБКМ 93, в котором ударение не сдвигается с начального краткого на следующий краткий. Это показывают как отдельные словоформы, так и словообразовательные типы: 1. ѡ волѣвѣхъ 716, пом. pl. m. гѣгови 27а, 36а, асс. sg. n. гѣгово 39а, ср. аог 3 sg. оугѣгова 666, dat.? sg. по вѣчери 74а, gen. pl. m. ѡ жѣстокъ 35а, 2. instr. sg. лѣготѣж 80б, gen. sg. тѣщѣтѣ 31а, instr. pl. щѣдрѣ|тами 61а и т.д. Однако в этом памятнике имеется ряд форм с переносом ударения с долготы на краткость: instr. sg. нѣ любѣвиѣж 65а, асс. sg. прѣмѣдрѣсть 66а, dat. sg. прѣмѣдрѣсти 66б, loc. sg. въ прѣмѣдрѣсти 65а, — что, по-видимому, свидетельствует о переходном характере отраженного в нем диалекта, некоторые черты которого могли возникнуть под влиянием тырновского.

⁵ Разумеется, дрейфа ударения не происходит со слогов в "доминантным акутом", напр., в а.п. a (славити, силами и т.д.).

Лингвогеографический ареал болгарских говоров этого типа хорошо очерчивается изоглоссой ударения pl. вѣлове (при волѣве на других территориях), см., ОСА, карта 2 на с. 253⁶, а также многими специфическими неакцентологическими изоглоссами (такими, как произношение рефлекса *ѣ в любых позициях как е и т.д.), речь идет о большинстве рупских и части зап.-мизийских говоров (в основном в р-не Шумена).

Похожая система должна быть предположена в качестве исходной для чешских говоров (в т.ч. литературного чешского), где в частности, а-основы а.п. b с корневым -о- имеют рефлекс нового акута -ѣ- на корне при вариантах с -о-, восходящих, видимо, к формам с ударением на "теме" -а-, имеющей интонацию "старого", т.е. доминантного, акута. В словацком в этих словах регулярно отмечается -о- (при том, что ѣ является здесь рефлексом нового акута, ср. в формах на *-ja: слвц. vѣl'a и т.д.).

1. Праслав. а.п. b

- (1) *grozǎ, асс. *grǝzǝ: чеш. hrůza ~ схрв. grȓza, асс. grȓzu, русск. грозá, асс. грозý и т.д.; (2) *korǎ, асс. kǝrǝ: чешск. kůra ~ русск. корá, асс. корý. Неясно схрв. kȓra (возможно, под воздействием праслав. *skorjǎ, асс. *skǝrjǝ, ср. слвн. skórja, аналогично вѣла, кѣжа и т.д.), ср. также слвц. kȓra (при регулярном -о- в других словах а.п. b); (3) *kosǎ, асс. *kǝsq: чешск. kůsa / kosa ~ русск. косá, асс. косý / косý 'коса — орудие косца' при косá, асс. косý 'заплетенная коса' (РЛПУ); в схрв. — контаминация в сторону а.п. c kȓsa, асс. kȓsu 'коса (инструмент; волосы)', см. также Иллич-Свитыч 99, 102; (4) *smolǎ, асс. smǝlǝ: чешск. smůla / smola ~ схрв. smȓla, асс. smȓlu, русск. смолá, асс. смолý, слвц. smola; (5) *sovǎ, асс. *sǝvǝ: чешск. sůva / sova ~ русск. совá, асс. совý, схрв. sóva, асс. sóvu (с удлинением; неясен вариант sȓva); (6) *mogǎ, асс. *mǝrǝ: чешск. můra ~ схрв. mȓra, асс. mȓru, слвц. mora; (7) *polǎ, асс. pǝlǝ: чешск. pola / půla ~ русск. полá, асс. полý.

2. Праславянская а.п. c

- (1) *kopǎ, асс. *kǝpǝ: чешск. kopa ~ схрв. (диал.) kȓpa (с обычным вост.-штокавским выравниванием первично окситонированных форм по энклиноменам, ср. vȓda, nȓga и т.п.); (2) *lozǎ, асс. lǝzǝ: чешск. (диал.) loza ~ схрв. lȓza, асс. lȓzu, укр. лозá, асс. лѣзу; (3) *kozǎ, асс. *kǝzǝ: чешск. koza ~ схрв. kȓza, асс. kȓzu, русск. козá, асс. (диал.) кѣзу (об а.п. с в ст.-русских рукописях см. Зализняк 1985, 138); (4) *troxǎ, асс. *trǝxǝ: чешск. trocha ~ схрв. (диал.) trȓha (см. выше *kopǎ); (5) *vodǎ, асс. *vǝdǝ: чешск. voda ~ схрв. vȓda, асс. vȓdu, русск. водá, асс. водý; (6) *zorǎ, *zǝrǝ: чешск. zora ~ схрв. zȓra, асс. zȓru; (7) *rosǎ, асс. *rǝsq: чешск. rosa ~ схрв. rȓsa, асс. rȓsq, русск. (устар.) росá, асс. рѣсу (см. Иллич-Свитыч,

⁶ Легенда к карте 2 в ОСА содержит опечатки и должна гласить: 1. родопско-мизийский тип; 2. пиринский тип; 3. северо-западный тип; 4. центральный тип; 5. северная и западная граница ударения pl. вѣлове; 6. граница ударения pl. кѣне; 7. "ятевая граница".

99 с реконструкцией праслав. а.п. с); (8) *nogá, асс. *nǝgq: чешск. *noha* ~ схрв. *nǝga*, асс. *nǝgu*, русск. *ногá*, асс. *но́гу*; (9) *soxá, асс. *sǝxq: чешск. *socha* ~ схрв. *sǝha*; асс. *sǝhu*, русск. диал., стар. *сохá*, асс. *сǝху* (см. Иллич-Свитыч, 102); (10) *stopá, асс. *stǝpǝq:* чешск. *stopa* ~ схрв. *stǝpa*, pl. *stǝpe*, производный глагол а.п. с **stǝpǝjǝ*, **stǝpǝtǝ*⁷ (напр., болг. *сmonǝ*) при, видимо, вторичном русск. *сmoná*, асс. *сmonú*; (11) *dobá, асс. *dǝbq: чешск. *doba* ~ схрв. *dǝba* (см. выше **kopá*, **troxá*), производный глагол *(*po*)-*dǝbǝti*, *(*pǝ*)-*dǝbjǝ* — а.п. с (русск. *уподоб́ит*, *сподоб́ится*, болг. *уподоб́ǝ*).

Другим примером ограничения правостороннего дрейфа ударения является "закон Крижанича", действовавший в части праслав. диалектов, и ранее рассматривавшийся как оттяжка ударения с долготных слогов на предшествующие долготные. Причем прежде не подавалось адекватному объяснению сокращение "посленовоакудовых" долгот в некоторых словообразовательных категориях, предшествовавшее предполагаемому действию "закона Крижанича" (поэтому на эти сокращенные гласные сдвигалось ударение в ст.-хорватском диалекте, см. Дыбо СА, 178—184) — ср. чешск. сокращение суффиксального **-ǝrǝ* в *mlékař*, *mútař* и т.д.⁸ Сейчас оно может трактоваться именно как сокращение заударных долгот (которые в глагольной парадигме были восстановлены по аналогии с краткосложными основами). Видимо, во всех позднепраслав. диалектах существовал запрет переноса ударения на внутренний "доминантный" циркумфлекс (итеративы типа **vǝzǝtǝ*, дериваты: **nǝžǝkǝ* и т.д.).

Таким образом, указанные выше факты заставляют нас прийти к необходимости предложить в качестве альтернативного новый вариант реконструкции ряда ключевых компонентов позднепраславянской акцентной системы⁹. Изменения реконструкции заключаются в следующем:

1. Отказ о Станговской теории происхождения "нового акута" как результата оттяжки ударения и признание "нового акута" непосредственным рефлексом балто-славянского циркумфлекса (некорректность генетического отождествления славянского "циркумфлекса" с балтийским циркумфлексом была показана в наших предшествующих работах. См. Дыбо СА, 39—54; ОСА, 53—54).

2. Признание древнейшим (возможно, балто-славянским) процесса передвижения ударения с циркумфлексированных и краткостных

⁷ Знаком \sim в новом варианте праслав. реконструкции мы обозначаем интонацию долготных слогов в эпоху, предшествующую правостороннему дрейфу ударения. Этой форме в "стандартной" реконструкции соответствует **stǝpǝtǝ* (с "новым акутом").

⁸ В таком случае мы должны рассматривать долготу рефлекса суффикса **-ǝrǝ* в производных от долгосложных основ а.п. *b* в южнославянских системах, в том числе у Ю. Крижанича, как результат вторичного выравнивания.

⁹ Помимо указанных ниже собственно "реконструктивных" и типологических преимуществ предлагаемого варианта он предпочтителен и с лингвогеографической точки зрения, т.к. из него следует, что более архаичные системы сохранились на периферии праслав. ареала, а максимальное количество инновационных процессов было осуществлено в центре этого ареала, что согласуется с хорошо известной науке универсалией. Прежний вариант реконструкции этой универсалии противоречил.

слогов, а также со слогов с рецессивным акутом на следующий слог с доминантным акутом¹⁰.

3. Рассмотрение правостороннего дрейфа ударения (закон Дыбо—Иллич-Свитыча) не как одновременного изменения, а как многоступенчатого процесса с последовательным снятием ограничений его дрейфа.

4. Вытекающее из последнего рассмотрение "праславянских оттяжек" не как результатов сдвига ударения налево, а как действовавших в определенных зонах праславянского ограничений его дрейфа направо.

Такая реконструкция имеет целый ряд преимуществ общего характера: во-первых, мы в большинстве случаев, по-видимому, избегаем необходимости предполагать обратное по отношению к первоначальному направлению акцентуационных процессов; во-вторых, мы восстанавливаем непосредственное генетическое тождество славянских и балтийских слоговых интонаций (слоговых акцентов): славянский акут = лит. акут (—), лтш. плавная интонация (—); славянский "новый акут" (— или —, в нотации, принятой югославскими диалектологами) = лит. циркумфлекс (—), лтш. нисходящая интонация (—); в-третьих, что непосредственно с этим связано, устраняется основное возражение против интерпретационного компонента праславянской реконструкции со стороны фонологической теории: каким образом могли сохраниться в праславянском оппозиции "слоговых акцентов", если один из членов такой оппозиции выпал из нее в результате сдвига акцента на следующий слог, что должно было преобразовать такие противопоставления в вершинообразующие, т.е. чисто акцентные (**mǝka* : **mǝka* > **mǝka* : **mǝkǝ*), при том, что другие предполагаемые тонологические оппозиции типа: доминантный (высокий, плюсовый) акут ~ рецессивный (низкий, минусовый) акут и доминантный (высокий, плюсовый) акут ~ рецессивный (низкий, минусовый) циркумфлекс не сохранились как таковые и не преобразовались в тональные корреляции (как это происходило в балтийских языках), а перешли в противопоставление ортотонических форм и форм-энклименов (**tǝjǝ* : **tǝjǝ* > **tǝjǝ* : **tǝjǝ*), т.е. также в чисто акцентные противопоставления. Сохранение в праславянском балто-славянской оппозиции «акут : циркумфлекс» в виде оппозиции «акут : "новый акут"» самым естественным образом снимает это возражение.

Можно отметить, что сдвиг ударения направо не менее типичен для славянских систем, чем левосторонняя оттяжка. Последняя в основном характерна для западной части южнославянского ареала, причем позиции оттяжки ударения существенно различаются в словенских, кайкавских и штокавских говорах, и оттяжки эти в подавляющем большинстве случаев датируются недавним прошлым (например, новоштокавская оттяжка вряд ли произошла ранее XV—XVI в.). Напротив, в отдельных диалектных областях отмечены правосторонние сдвиги ударения, прямо не связанные с рассмотренным выше дрейфом ударения в праславянских ортотонических формах, в которых ударение стояло на слогах с краткостью или балтославянским циркумфлексом. Речь идет, например, а) о свойственном подавляющему большинству словенских говоров и полабскому языку переносе направо славянского "циркумфлекса" в формах-энклименах (слвн. *črevǝ*, полаб. *črevǝ* < **červo*, гер. sg. слвн. *bogǝ*, полаб. *bǝgǝ* < **bǝga*); б) о правостороннем сдвиге ударения с начальных слогов доминантного акутом в некоторых каринтийских словенских (подъюнк. *ǝǝǝta*, обирск. *ǝǝǝda* < **ǝǝǝd(ǝ)ǝ*), ю.-зап.-македонских говорах (ср. хорошо зафиксированные в старомакедонских рукописях формы истина < **ǝstina*, камень < **kǝmǝnǝ*, ǝǝǝнць < **ǝǝǝnǝ* и т.п.), в современных архаичных ю.-зап.-македонских говорах с сохранением разноместного ударения — костурских, гевгелийских (*ǝǝǝǝ*, *ǝǝǝǝ*, *ǝǝǝǝ* и т.д.) и в полабском языке (*bǝbǝ* < **bǝba*, *sonǝ* < **sǝni*, n. pl. *baǝǝǝǝ* < **bǝkǝve* и т.д.).

¹⁰ Возможно, этот сдвиг произошел еще в балто-славянском. В таком случае закон де Соссюра в литовском, по которому ударение переносится как на слоги с доминантным, так и с рецессивным акутом, можно рассматривать как дальнейшее развитие балто-славянской тенденции, а снятие ограничения на перенос ударения только на слоги с доминантным акутом — позднейшей балтийской или даже литовской инновацией.

В результате изложенной выше ревизии истории праславянского ударения можно предположить, что наиболее архаичными являются системы типа болгарской рупско-мизийской и чешской. Поэтому эти "законные предшественники" ранее постулированной I группы (в старых терминах — с почти "полной" левосторонней оттяжкой ударения) не обязательно являются потомками одной генетической единицы, а лишь сохранили архаизм, располагаясь на периферии области иррадиации общеславянских акцентных инноваций.

Напротив, наиболее "продвинутыми", видимо, являются великорусские диалекты IV группы, а также "ресавские" и "южноморавские" сербохорватские говоры. В этих диалектах правосторонний дрейф ударения осуществлен в максимальном числе позиций. Однако объем имеющихся в нашем распоряжении фактов не позволяет доказать или опровергнуть специфическое родство между восточнорусскими и "южноморавскими" системами, поскольку их сходство может являться результатом параллельного развития.

СУДЬБА КОНЕЧНЫХ ДОЛГОТ

Исследования последних лет показали, что, кроме правил дрейфа ударения и рефлексации а.п. *d*, праславянские диалектные группы различаются еще одним важным признаком — в них по-разному проходил процесс исконно долгих конечных гласных.

Правила правостороннего дрейфа ударения, механизм которого является общим для всех известных славянских систем, накладывались на существующую в данном праславянском диалекте систему количественных противопоставлений¹¹.

В славянских диалектах представлено по крайней мере три типа рефлексации ауслатных праславянских долгот.

1-й тип рефлексации имеют исключительно диалекты III группы, а именно, с одной стороны, часть словенских (доленская диалектная группа и сопредельные переходные говоры, эта система представлена и в словенском литературном языке, а также в подъюнском диалекте)¹² и кайкавских говоров (загорских, пригорских, ниже- и верхнелоньских, туропольском, переходном "чакавско-кайкавском" говоре Озля) и, с другой, поморские (кашубско-словинские) говоры. В этих системах сохранение праславянских конечных долгот определяется следующим правилом: долготы (как балто-славянские циркумфлектированные, так и акутированные) сохраняются под ударением или отражаются в виде

¹¹ Предположим, при общем для диалектов А и В правиле сдвига ударения с краткостного слога основы на долготный слог суффикса, результаты такого дрейфа могут быть различными, т.к. из праславянских долготных суффиксов *α*, *β*, *γ* и *δ* в диалекте А к моменту действия указанного закона уже сократились суффиксы *α* и *δ*, в то время как в диалекте В все четыре суффикса остались долготными.

¹² Не исключено, что отсутствие нового циркумфлекса в ряде позиций в некоторых горенских, центрально- и западнокаринтийских говорах, может свидетельствовать об их происхождении из позднепраславянских диалектов с иной системой отражения конечных долгот, хотя отсутствие нового циркумфлекса в ряде категорий может объясняться как вторичное, возникшее по аналогии с формами, в которых эта интонация закономерно отсутствует.

фактора, "наводящего" новый циркумфлекс¹³, если они являются доминантными. При этом между словенскими и поморскими системами существует ряд своеобразных схождения, являющихся общими инновациями и говорящими о специфическом их родстве¹⁴. Характерной особенностью 1-го типа рефлексации является утрата фонетической долготы в ударном окончании *-a* п. — асс. pl. neutr. при сохранении рефлекса этой долготы в новоциркумфлексовой интонации.

2-й тип рефлексации конечных праславянских долгот имеют, с одной стороны, штокавские говоры "литературного типа" (герцеговинские, шумадийско-воеводинские и т.п., а также славонские), с другой стороны — относящиеся к III ("словенской") группе, ст.-хорватский диалект Ю. Крижанича, чакавские говоры, о. Хвара и Брача, словацкие диалекты, а также, видимо, украинские и белорусские полесские и северовеликорусские "ильменско-словенские говоры" (ладого-тихвинские, часть вологодских, костромские), 2-й тип рефлексации конечных праславянских долгот отличается от 1-го тем, что в нем рефлекс краткости имеют: 1) *-a* nom. sg. fem. и 2) *-и* и *-i* loc. sg. *и*- и *i*-основ. С другой стороны, во многих диалектах с сохранением ауслатных количественных противопоставлений наблюдается сохранение конечной долготы *-a* nom./асс. pl. neutr. (славонские, словацкие). В этом отношении системы со 2-м типом рефлексации долгот сближаются с системами, имеющими 3-й тип рефлексации, т.е. с диалектами II ("антской") группы. В говорах со 2-м типом рефлексации (так же как в говорах II группы) не развивается новый циркумфлекс¹⁵, а конечные долготы (как ударные, так и заударные) либо сохраняются, либо их бывшее наличие отражается в морфологии.

Видимо, говоры типа ст.-хорватского рано отделились от других говоров III группы и длительное время развивались в контакте с "праштокавскими" говорами. Последние, в свою очередь, видимо, сформировались на периферии ареала II группы диалектов, ср. развитие ударения предконечного слога по "антскому" образцу — противоположное тому, что наблюдается во всех говорах III группы, в том числе у Ю. Крижанича, а также развитие "полуотметности", см. об этом ниже. По некоторым важным признакам штокавские говоры близки подольским украинским говорам, возможно, входя вместе с последними к одной небольшой праславянской диалектной группировке¹⁶.

¹³ См.: Дыбо СА, 31—32; ОСА, 32—34. Список именных моновокалических формантов см. в табл. 2.

¹⁴ В частности, отметим конечную долготу неясного происхождения в императиве (из форм дв. ч.?), отраженного в рефлексе нового циркумфлекса в словенском (2 pl. *nešite*, ср. 2 du. *nešita*; 2 pl. *kupite*, ср. 2 du. *kupita*) и в поморском (2 pl. *prosāca*, ср. 2 du. *prosāca*; 2 pl. *nařišća*, ср. 2 du. *nařišća* — наличие рефлекса нового циркумфлекса на "теме" определяется по отсутствию оттяжки ударения). Однако установить долготный характер окончания *-ta* по данным других славянских языков не представляется возможным.

¹⁵ За исключением особой позиции в гер. pl., связанной с переносом долготы с "долгого ера" в эпоху падения редуцированных.

¹⁶ Интересно отметить, что нетривиальные связи ст.-хорватского, "центрального" штокавского и словацкого согласуются с сообщением Константина Багрянородного о совместном переселении сербов и хорват в VII в. из Белой Сербии и Белой Хорватии, располагавшейся, по его сведениям, к северу от современной Венгрии, т.е. в районе Карпат. Таким образом, видимо, данными лингвистики подтверждается теория "сербо-хорватского клина" на Центральных Балканах, несправедливо отвергнутая в свое время В. Ягичем.

3-й тип отражения праславянских долгот имеют системы всех диалектов, относящихся ко II ("антской") группе. В большинстве засвидетельствованных диалектов этой группы конечные долготы вторично сократились, однако их бывшее отличие от краткостных отражается в морфологии, т.к. во всех "антских" диалектах ударение сдвигалось с предконечных долготных слогов на конечные долготные, но оставалось на старом месте на краткостных слогах перед конечными долготными. Распределение сокращенных vs. сохранивших долготу конечных гласных прямо не связано с балто-славянскими интонациями и определяется морфологическими позициями (некоторые форманты по какой-то причине сохраняют долготу, другие ее теряют). Для 3-го типа характерно при этом отсутствие долготы в *-a* (nom. sg. fem.) и *-i, -u* (log. sg.)

Доказательства долготного характера части из этих окончаний проводятся в ОСА, 124—125 и Николаев 1990. Долготный характер локативного **ě/*i* (o-осн. masc.) подтверждается, с одной стороны, данными ст.-пиротской (?) системы акцентуации "Книг Царств" (долгосложные o-основы имеют в этой форме окситонезу): вь гробѣ 182а, 320а, 326б, вь|гробѣ 284б, вь гробѣ| 156б (при gen. sg. гробѣ 163а; восстановление окситонезы в случаях: вь гробѣ 106а, 228а bis, на гробѣ 296а, вь|гробѣ 1116); вь двѣрѣ 146б, вь двѣрѣ 316' а (при gen sg. двѣрѣ 183а, двѣрѣ 194а (sic), двѣрѣ| 207а и loc. sg. ѡ двѣроу 194а); вь рѡвѣ 163б, 241б (при gen sg. рѡвѣ 146б, рѡвѣ 169а, ѡ рѡвѣ 168б, ѡ рѡвѣ| 168б, но и ѡ рѡва 146б). С другой стороны, подобная система отмечена в окситонированных o-/u- основах в белорусском полесском говоре с. Погост Житковичского р-на Гомельской обл., относящемуся к особой посожско-припятской ("радимичской") группе (материал предоставлен Н.А. Саскевичем): а) краткосложные основы: *tos'*, gen. *tos'á* — loc. *na tos'i*; *most, mostá* — *mós'c'i*; *snop, snopá* — *snóp'i*; *som, somá* — *sóm'i*; *stoy, stoyá* — *stóz'i*; *voz, vozá* — *vóz'i*; б) сокращенные основы¹⁷: *kust, kustá* — *kús'c'i*; *vúyoŭ, vúyáŭ* — *vúy'i*; *v'erox, v'eroxá* — *v'érs'i*. Прочие долгосложные основы всегда имеют окситонированные формы локатива на **ě/i* (имеются и примеры окситонезы локативов от краткосложных основ, вторично возникших под влиянием окситонированных форм парадигмы). Долгота *-u* (gen. sg.) подтверждается богатым материалом галицких украинских говоров, в которых представлены баритонированные формы gen. sg. от как правило краткосложных или "сокращенных" основ окситонированной а.п. при наличии параллельных окситонированных форм на *-a*: *dv'ir*, gen. *dvóru / dyorá*; *sud*, gen. *súdu / suddá* (эта модель проникла и в литературный укр. язык). Видимо, не в последнюю очередь долгота генивтивного *-и* была причиной "баритонизации" многих краткосложных слов этого типа в "кривичских" белорусских и великорусских говорах (см. материал в ОСА, 135—138).

Единственной засвидетельствованной системой диалекта II группы, сохранившей фонетические конечные долготы, является система староторлацкого говора южноморавской локализации, отраженная в старосербской рукописи XV в. НБКМ 680. В орфографии этой рукописи знаком ' (оксия) обозначается иктус (долготный или краткостный), а знаками ^ и ~ (камора и наклонная "грависообразная" лонга) — ударные и безударные долготы. Заударные долготы в рукописи отмечаются спорадически, однако большая выборка материала позволяет надежно различить долготные и краткостные служебные морфемы — в частности, количественные характеристики окончаний в склонении а-основ а.п. а.

Краткостные окончания:

nom. sg. бѣна 118а, боура 10б, 31а, вѣна 85а, вѣра 48а, кѣ|плѣа 165а, кнѣга 228б, мрѣжа| 242а, мѣра 108б, нѣва 106а, пѣра 11б, ноу|жда 141б, ноу|жда 151б, ноу|жда 316а, 316'б, сѣла бо 100а, сѣла|| 111а, сѣла 130а, 251б, 334а, 347б, сѣ|ла 183б, сѣла| 340а, слѣва 10а, 18а, 23б,

¹⁷ Ранее сокращение рефлексов **и, *о*, а также слогов ТЪРТ, и их морфологическое поведение, идентичное поведению кратких гласных, свойственно обширному ареалу от говоров Припятского Полесья на севере до болгарских и восточношотландских говоров на юге.

Таблица 2
Системы отражений моносиллабических долготных окончаний
в склонении существительных

	1-й тип	2-й тип	3-й тип
o-основы masc.			
<i>-a'</i> (gen.sg.)	кратк.	кратк.	кратк.
<i>-u</i> (dat.sg.)	кратк.	кратк.	кратк.
<i>-ě/i</i> (loc.sg.)	кратк.	кратк.	долг.
<i>+i</i> (nom.pl.)	кратк.	кратк. ?	?
<i>+ъ/ь</i> (gen.pl.)	долг.	долг.	долг.
<i>+y/i</i> (instr.pl.)	долг.	долг.	долг.
<i>-y</i> (acc.pl.)	кратк.	кратк.	долг. (?)
<i>-a</i> (n.-acc.du.)	кратк.	кратк.	долг. (?)
<i>+ū</i> (g.-l.du.)	долг.	долг.	долг.
o-основы neutra			
<i>+a</i> (n.-acc.pl.)	кратк. с рудиментами долг.	кратк. / / долг.	долг.
a-основы fem.			
<i>+a</i> (nom.sg.)	долг. (рудимент)	кратк.	кратк.
<i>+y/ě</i> (gen.sg.)	долг. ²	долг.	долг.
<i>-ě/i</i> (dat.sg.)	кратк.	кратк.	кратк.
<i>+ě/i</i> (loc.sg.)	кратк.	кратк.	кратк. (?)
<i>-y/ě</i> (n.-acc.pl.)	кратк.	кратк.	долг.
<i>-ě/i</i> (n.-acc.du.)	кратк.	кратк.	долг.
u-основы			
<i>+u</i> (gen.sg.)	кратк.	кратк.	долг.
<i>+u</i> (loc.sg.)	долг.	кратк.	кратк.
<i>-y</i> (acc.pl.)	кратк.	кратк.	долг.
i-основы			
<i>+i</i> (gen.sg.)	кратк.	кратк.	долг. (?)
<i>-i</i> (dat.sg.)	кратк.	кратк.	кратк.
<i>+i</i> (loc.sg.)	долг.	кратк.	кратк.
<i>-i</i> (nom.pl.f)	кратк.	кратк.	?
<i>-i</i> (acc.pl.)	кратк.	кратк.	долг. (?)
<i>-i</i> (n.-acc.du.)	кратк.	кратк.	долг. (?)

Примечания к табл. 2. 1. Доминантные окончания отмечены знаком "плюс", рецессивные — знаком "минус". Окончания gen.-loc. du. и gen. pl. в *a*-основах имеют такой же статус, как и в *o*-основах. 2. Трудно поддается объяснению отсутствие в этой позиции нового циркумфлекса в словенских и кайкавских диалектах, хотя о долготе свидетельствуют формы с ударным окончанием: слов. gen. sg. *kráve*, но *ženě*, *vodě*.

34a, 43b, 45a, 5ъb, 115a, 133a, 182a, 188b, 212a, 231b, 272a, 286b, 316'a, 344b, и слава 202a, чаша 306a, ѣзва 143b; dat. sg. нивѣ 106a, къ пиши 49b, сйлѣ 211a, 281a, слáвѣ 147b, 268a, и слáвѣ 259b, слáвѣ| 177b bis; acc. sg. на вию 77a, вию 85a, за вию 125b, вѣроу 61b, 220b, 202b, вѣры| 202b, гоубоу 159b, зáроу 69b, и кнѣгоу 37b, кнѣгоу 340b, кнѣгоу 247a, мрѣжоу 10a, и моукоу 314b, моукоу 171a, 234b, 288b, въ моукоу 266a, въ ню же мѣроу 22a, 256b, и ноуждоу 338b, ноуждоу| 340a, и пѣшоу 78a, 125a, пѣшѣ| 89a, пишоу| 90a, пѣшоу 90a, 159b, 210b, 309b bis, 310'б, 340b, 181a, на пѣшоу 338a, ризоу 156a, рызоу 215a, сѣлоу 59b, 126b, 173a, 203a, 259a, 303a, сѣль 279a, и сѣлоу 107b, 129a, 183b, 216a, 219a, 272b, 203b, слáвоу 102a, 103b, 107b, 108a, б, 109b, 135a, 147b, 206a, 222a, 336b, 349b, въ слáвоу| 86b, и слáвоу 99a, да въ слáвоу 342b, чáшѣ 247a, чáшѣ| 31a, чáшоу 132a bis, чáшоу 180b, ѣзвою 151b, 167b, 249a, 312b, 309'a; loc. sg. въ коупѣ 27a, 163a, 175a, 201a, въ коупѣ 96a, въ коупѣ же 174b, 176a, моу|цѣ 163a, въ ноужди 310a, рызѣ 306a, по сйлѣ| (или dat.) 349a, въ слáвѣ| 101b, 285a, въ слáвѣ 108a, 111a, въ тѣнѣ 315b, 331b, на чáши 306a.

Долготные окончания:

gen., sg. и боурѣ 337b, вѣры 29a (ср. с обозначением только иктуса вѣры 62a, 210a, ѿ вѣры 300a), ѿ кáплѣ 165a (ср. кáплѣ| 143b); nom.-acc., pl. боурѣ 140a (ср. боурѣ 218a), и пѣны 278a (ср. въ пѣны 161b, и пѣы 278b, пѣны| 279b), сѣлы 177a (ср. сѣлы 177b, 213b, 277b).

Правосторонний дрейф ударения как многоступенчатый процесс

Выше было предложено рассматривать правосторонний дрейф ударения как многоступенчатый процесс с последовательным снятием ограничений. Такой процесс можно рассмотреть на соотношении акцентных систем диалектов, входящих в III ("словенскую") и II ("антскую") группы¹⁸.

В диалектах III группы, при общем для них всех а) запрете на перенос ударения с долготных слогов на последующие долготные ("закон Крижанича") и б) проведенном во всех них сдвиге ударения с кратких слогов на внутренние и конечные краткие слоги и внутренние слоги с рецессивным акцентом, а также в) сдвиге ударения с долготных слогов на краткие слоги, выделяются следующие системы, в которых, в дополнение к сказанному выше: IIIA. Не происходит никаких новых сдвигов ударения — штирийская диалектная группа и прекмурский диалект словенского языка, кайкавский загорский диалект. IIIB. Ударение сдвигается в максимальном

¹⁸ Ниже специально не оговариваются: а) общеславянский запрет на правосторонний сдвиг ударения со слогов с доминантным акцентом (**žaba*, **jāgoda*), б) на слоги с доминантным циркумфлексом (**slūžiti*, **nōsiti*, **nōžiki*), а также общеславянский (балто-славянский?) сдвиг ударения на слоги с доминантным акцентом (**ženā*, **tvoriti*, **služiti*). Под "внутренними долготами" подразумеваются исключительно долготы с балто-славянским рецессивным циркумфлексом, когда речь идет о том, что на них переносится ударение; под конечными долготами — не сократившиеся в каждой из праславянских групп долготы (см. выше). Не учитываются оттяжки и сдвиги ударения, поздний характер которых может быть точно установлен (новоштокавская оттяжка, словенская оттяжка ударения с конечных кратких слогов и т.д.). Когда речь идет о внутренних и конечных слогах, имеется в виду ситуации до падения слабых редуцированных.

числе позиций (за исключением позиции "закон Крижанича") — ст.-хорватский диалект Ю.Крижанича, чакавские говоры о-вов Хвар и Брач, украинские и белорусские полесские говоры, "ильменско-словенские" великорусские говоры. Тем же характеризуется группа IIIB (доленьская группа словен. диалектов и словен. литер. язык), основанием для выделения которой является характерный для этой группы и объединяющий ее с группой IIIA дрейф конечных долгот, приводящий к образованию "нового циркумфлекса", в то время как в группе IIIB такой результат отсутствует (см. табл. 3а).

Общими для диалектов II ("антской") группы являются две позиции запрета на сдвиг ударения: а) с кратких слогов на конечные долготные; б) с внутренних кратких слогов на внутренние долготные (что приводит к возникновению "полуотметности", см. ниже), при том что в) во всех системах II группы происходит сдвиг ударения с долготных слогов на конечные долготные и с начальных долготных и кратких слогов на внутренние краткие. Помимо указанных выше позиций различные диалекты имеют следующие позиции сдвига ударения: IIA. Новых сдвигов не происходит — вост.-болгарские диалекты типа ст.-тырновского, современные болгарские вост.-балканские говоры без "полуотметности". IIB. Сдвиг происходит с долготных и кратких слогов на конечные краткие — пиротский и близкие к нему торлакские говоры. IIB. Сдвиг происходит с долготных и кратких слогов на конечные краткие слоги и внутренние слоги с рецессивным акцентом — зап.-болгарские, пиринско-малешевские македонские, галицкие¹⁹ (прикарпатские и закарпатские) говоры, белорусские и великорусские говоры "кривичского" и "радимичского" происхождения. IIG. К позициям системы V добавляется еще сдвиг ударения с начальных кратких слогов на внутренние долготные — "ресавские" штокавские говоры (напр., левачский), южноморавские торлакские говоры.

Особую систему сдвигов ударения, которая совмещает признаки II и III групп, имеют штокавские говоры "литературного типа" (шумадийско-воеводинские, герцеговинские и т.п., а также славонские говоры, в том числе и литературный сербохорватский язык). Сдвиг ударения на последние слоги происходит по "антским" правилам (например, pl. neutg. *liuca* < *liuča* < "прашток." **licā* < праслав. **licā*, но *selā* < праслав. **selā*); внутренние сдвиги происходили по правилам "словенским"

¹⁹ Галицкими говорами мы называем западноукраинскую диалектную группировку, в которую полностью входят бойковские, лемковские (по крайней мере говоры со свободным ударением к востоку от Лаборца), сяньские, закарпатские (мараморошские, боржавские, ужанские, верховинские), галицко-днестровские, покутские говоры, а также, видимо, западновольские (бужанские), говоры; частично к галицкому диалекту относятся гуцульские (типично галицкими являются говоры к западу от Белого Черемоша) и буковинские (в их западной части). Галицкий диалект отделяется от других украинских целым пучком специфических изоглоссов (не только акцентологических); он лежит в основе западного варианта украинского литературного языка (отраженного, например, в словаре Е. Желеховского) и оказал сильное влияние на современный ("восточный") вариант укр. литер. языка.

(например, 2 sg. praes. *sŭdīsh* < "прашток." *sŭdīsh* < праслав. **sŭdīšь*), однако, в отличие от "словенских" систем, не произошло сдвига ударения с внутренних краткостных слогов на последующие долготные, что привело к образованию системы "полуотметности" — явления, характерного для диалектов II группы.

В восточнорусских диалектах (праславянская IV группа) сдвиг ударения направо произошел в максимальном числе позиций (за исключением указанных выше "общеславянских" ограничений). Лишь в ном.-асс. pl. и du. neutg. сохраняются следы того, что ударение сдвигалось на долготные окончания с долгосложных основ и не сдвигалось с краткостных. В восточнорусских говорах и старорусских рукописях восточной локализации спорадически отмечаются окситонированные формы pl. типа *лицá*, *гнѣздá* и т.д., но только от долгосложных основ. Такое же соотношение баритонезы и окситонезы показывают реликты двойственного числа *o*-основ ср. р. а.п. b: краткосложное

Таблица 3а

	IIA	IIB	IIB	IIГ
1 * <i>ženā</i> * <i>služiti</i>	<i>ženā</i> <i>služiti</i>	<i>ženā</i> <i>služiti</i>	<i>ženā</i> <i>služiti</i>	<i>ženā</i> <i>služiti</i>
2 * <i>dōbrota</i>	<i>dobrōta</i>	<i>dobrōta</i>	<i>dobrōta</i>	<i>dobrōta</i>
3 * <i>mōdrostь</i>	<i>mōdrostь</i>	<i>mōdrostь</i>	<i>mōdrostь</i>	<i>mōdrostь</i>
4 * <i>krīdlā</i>	<i>kridlā</i>	<i>kridlā</i>	<i>kridlā</i>	<i>kridlā</i>
5 * <i>kŕta</i>	<i>kŕta</i>	<i>kŕta</i>	<i>kŕta</i>	<i>kŕta</i>
6 * <i>grōba</i>	<i>grōba</i>	<i>grōba</i>	<i>grōba</i>	<i>grōba</i>
7 * <i>sŭdītē</i>	<i>sŭdite</i>	<i>sŭdite</i>	<i>sŭdite</i>	<i>sŭdite</i>
8 * <i>tvōrīlo</i> * <i>sŭdīlo</i>	<i>tvōrilo</i> <i>sŭdilo</i>	<i>tvōrilo</i> <i>sŭdilo</i>	<i>tvōrilo</i> <i>sŭdilo</i>	<i>tvōrilo</i> <i>sŭdilo</i>
9 * <i>tvōrītь</i>	<i>tvōritь</i>	<i>tvōritь</i>	<i>tvōritь</i>	<i>tvōritь</i>
10 * <i>sēla</i>	<i>sēla</i>	<i>sēla</i>	<i>sēla</i>	<i>sēla</i>
11 * <i>nōsītь</i> * <i>slūžītь</i>	<i>nōsitь</i> <i>slūžitь</i>	<i>nōsitь</i> <i>slūžitь</i>	<i>nōsitь</i> <i>slūžitь</i>	<i>nōsitь</i> <i>slūžitь</i>
12 * <i>žāba</i> * <i>prāviti</i>	<i>žāba</i> <i>prāviti</i>	<i>žāba</i> <i>prāviti</i>	<i>žāba</i> <i>prāviti</i>	<i>žāba</i> <i>prāviti</i>

	IIIA	IIIB	IIIB
1 * <i>ženā</i> * <i>služiti</i>	<i>ženā</i> <i>služiti</i>	<i>ženā</i> <i>služiti</i>	<i>ženā</i> <i>služiti</i>
2 * <i>dōbrota</i>	<i>dobrōta</i>	<i>dobrōta</i>	<i>dobrōta</i>
3 * <i>tvōrīlo</i> * <i>sŭdīlo</i>	<i>tvōrilo</i> <i>sŭdilo</i>	<i>tvōrilo</i> <i>sŭdilo</i>	<i>tvōrilo</i> <i>sŭdilo</i>
4 * <i>grōba</i>	<i>grōba</i>	<i>grōba</i>	<i>grōba</i>
5 * <i>mōdrostь</i>	<i>mōdrostь ?</i>	<i>mōdrostь</i>	<i>mōdrostь</i>
6 * <i>kŕta</i>	<i>kŕta</i>	<i>kŕta</i>	<i>kŕta</i>
7 * <i>sēla</i>	<i>sēla</i>	<i>sēla</i>	<i>sēla</i>
8 * <i>tvōrītь</i>	<i>tvōritь</i>	<i>tvōritь</i>	<i>tvōritь</i>
9 * <i>sŭdīte</i>	<i>sŭdite</i>	<i>sŭdite</i>	<i>sŭdite</i>
10 * <i>krīdlā</i>	<i>kridlā</i>	<i>kridlā</i>	<i>kridlā</i>
11 * <i>nōsītь</i>	<i>nōsitь</i>	<i>nōsitь</i>	<i>nōsitь</i>
12 * <i>žāba</i> * <i>prāviti</i>	<i>žāba</i> <i>prāviti</i>	<i>žāba</i> <i>prāviti</i>	<i>žāba</i> <i>prāviti</i>

Примечание к табл. 3а и 3б. Справа от двойной линии находятся формы со сдвигом ударения.

Имеющиеся в настоящее время лингвистические данные не позволяют установить, на какой территории в праславянском происходили рассматриваемые отяжки, но расположение более и менее архаичных систем в южнославянском ареале показывает, что наиболее архаичные (IIIA, IIA) системы находятся на его периферии, а наиболее инновационные (IIIB, IIГ, а также переходные между II и III группами штокавские говоры "литературного типа") — в центре. Есть также основания предполагать, что эта картина, судя по внешним связям данных диалектов, сложилась не на современной южнославянской территории, а хотя бы частично в более ранний период.

плѣчи (< **plēci*, от **plēce*) при долгосложном *мудѣ* (< **mōdē*, от **mōdo*)²⁰.

В табл. 3а и 3б показана "градуальность" правосторонних сдвигов ударения во II и III группах.

²⁰ См. также подборку форм дуалиса в русских диалектах в: Брандт Р.Ф. О двойных формах и об ограниченном числе // Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского. СПб., 1905.

Изменения в праславянской реконструкции и установление точных позиций правостороннего дрейфа ударения позволяют предложить наиболее убедительное решение проблемы так называемой "полуотметности"²¹, т.е. противопоставления баритонированных приставочных окситонированным бесприставочным формам глагола.

В большинстве известных систем первоначальное распределение "полуотметных" и "неполуотметных" форм глагола затемнено вторичными перераспределениями, но материал архаичных систем показывает, что первоначально в модели "полуотметности" участвовали только тематические, *ě/i*-глаголы²² и *i*-глаголы а.п. *b*₂ (т.е. с рецессивной "темой").

Системы с "полуотметностью" занимают обширный географический регион в юго-восточной области расселения славян. Существуют следующие основные системы "полуотметности".

1. "Галицко-западноболгарская". В галицких украинских говорах "полуотметность" вторично (выравниваясь по формам презенса) распространилась на всю глагольную парадигму *ě/i*- и отчасти тематических глаголов. Такую систему имеет юго-западная часть галицких украинских говоров (в основном закарпатские говоры); в остальной части галицких говоров и в части других украинских и юго-западных белорусских говоров, в том числе в украинском литературном языке, "полуотметность" есть только у *ě/i*-глаголов, причем также в виде противопоставления колонной окситонезы бесприставочных глаголов колонной баритонезе приставочных. Характерной особенностью этих систем является то, что в них, при вторичной "колонной" парадигме ударения приставочных форм глагола, в основном сохраняется праславянский в своей основе принцип распределения глаголов: к "полуотметным" относятся краткосложные глаголы а.п. *b*₂ и, вторично, глаголы а.п. *c* с "сокращенным" корнем, к "неполуотметным" — т.е. сохраняющим окситонезу приставочным — относятся долгосложные глаголы а.п. *b*₂ и глаголы — в основном краткосложные — а.п. *c*²³. Следы архаического распределения тема-

²¹ Болгарский термин, введенный Б. Цоневым (Цонев Б. Към историята на български език // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. XIX. София, 1903). "Полуотметным" это ударение названо потому, что предполагалась левосторонняя оттяжка ударения в болгарских приставочных формах *l*-причастия и аориста: болг. литер. *ходѣл* — *приходѣл*, *минал* — *замѣнал*, *писѣх* — *написѣх* и т.п.

²² О реконструкции а.п. *b*₂ тематических и *ě/i*-глаголов см. в ОСА, 36—37.

²³ Например, в говоре с. Керечки Свалявского р-на Закарпатской области к "полуотметному" типу относится *ležáti, ležu, ležít': polěžati, polěžu, polěžít'*, так же акцентуются глаголы *ležáti, boáti's'a, stoáti, ter'p'ítu, sid'ítu, le'ítu, bo'ítu*. К "неполуотметному" типу относятся *towčáti, towčú towčít': zamowčáti, zamowčú, zamowčít'*, так же акцентуются глаголы *dryžáti, ver'ítu, gor'ítu, vel'ítu, kyp'ítu, ɣrim'ítu, b'ýnytu* (с *i*-презенсом: *b'ížú, b'ížít'*). О "полуотметности" в закарпатских тематических глаголах см. Николаев 1991. Отсутствие "полуотметности" в *i*-глаголах объясняется регулярной для этих говоров баритонезой презенса глаголов а.п. *b*.

"Полуотметность" в галицком диалекте отмечается не только в глаголе. Так, в склонении местоимений чередуются окситонированные беспредложные (беспрефиксные) и баритонированные формы с предлогами (префиксами). Например, в гуцульском говоре, с. Луги Раховского р-на Закарпатской обл.: *tebe* — *do tebe, tob'i* — *id tob'i, jeyó* — *do neyo, koyó* — *v'id kóyo, n'ikóyo, komú* — *id kómu, n'ikómu* и т.д.

тических и *ě/i*-глаголов по двум классам отмечаются в некоторых староболгарских памятниках западной локализации, акцентная система которых, как и система галицких украинских говоров, является характерной для II группы (Ис. Сир., наиболее последовательно — в НБКМ 38 и Рил. 1/26 и в современных западноболгарских говорах), при этом ст.-западноболгарская система сохраняет архаичное насуффиксальное ударение в инфинитивно-аористной основе *ě/i*-глаголов "полуотметного" класса. Система НБКМ 38 при этом совмещает данную систему "полуотметности" с "центральноболгарской" — см. ниже пункт 4.

2. "Ресавская". "Полуотметность" присуща презенсу как *ě/i*- и тематическим, так и *i*-глаголов (при том что в аористно-инфинитивной основе ударение насуффиксальное), при этом к "полуотметному" классу относятся краткосложные, а к "неполуотметному" — долгосложные глаголы. Такую систему имеют "ресавские" сербские говоры, относящиеся к праславянской II группе²⁴ (в частности, говоры междуречья Зап. Моравы и Моравы, Трстеника)²⁵. Такие системы представлены, видимо, изначально были характерны также для зета-ловченских и косово-метохийских говоров²⁶. В пиринско-малешевских македонских говорах "полуотметность" присутствует у любых глаголов, имеющих окситонированный бесприставочный презенс.

3. "Штокавская". "Полуотметность" свойственна только презенсу краткосложных *i*-глаголов, бесприставочные формы которых окситонированы (т.е. праславянских глаголов а.п. *b*₂ и *c*)²⁷. Эта система характерна для штокавских говоров "литературного типа" (в том числе литературного сербохорватского языка): *ложѣш* — *пóложѣш* и т.п. Малочисленные окситонированные в презенсе долгосложные глаголы "полуотметности" не имеют: *трѹбѣш* — *затрѹбѣш*.

4. "Центральноболгарская". "Полуотметность" отмечается только в формах аориста и *l*-причастия у *i*-глаголов (а также — вторично? — у *a/je*-глаголов типа **pъsati, *pъšq* и у *nq*-глаголов) с баритонированным презенсом (в диалектах, в которых сохраняется окситонеза презенса глаголов а.п. *c*, "полуотметными" являются глаголы а.п. *b*₁ и *b*₂, а также, вторично, и *a*). Такая система характерна для центрально- и западноболгарских говоров (а также болгарского литературного языка) ареал которых имеет следующую конфигурацию: восточная

²⁴ В "ресавских" говорах наиболее последовательно представлена окситонеза в рефлексах слов. а.п. *d*.

²⁵ См., например, об ударении глагола *Симѣ П. Левачки говор* // СДЗБ XIX, 1972, 409—459. В левачком говоре "полуотметность" регулярна в тематических и *i*-глаголах и отчасти сохраняется в *ě/i*-глаголах.

²⁶ Эти диалектные группировки недостаточно изучены в акцентологическом отношении. Ясно лишь то, что исторически они происходят не из "праштокавского", а из других позднепраславянских диалектов. В частности, зета-ловченские говоры во многих отношениях близки к центрально- и восточноболгарским. В *i*-глаголах в этих говорах презенс бывает только баритонированным; такая же ситуация характерна и для пиринско-малешевских говоров.

²⁷ Остатки былого различия "неполуотметных" глаголов а.п. *c* и "полуотметных" глаголов а.п. *b*₂ отмечены в некоторых шумадийских говорах и ст.-сербских памятниках (напр., НБКМ' 889).

граница проходит приблизительно по линии Плевен — Ловеч — Карлово — Пловдив, южная — по линии Пловдив — Пазарджик — Самоков, западная — по линии Самоков — София — Берковица — Белградчик, северная граница проходит по Дунаю. Кроме того, "полуотметные" системы представлены в микроареалах в районе Ст. Загоры, Котела и Сливена и в переселенческих (?) говорах нижнего течения Тунджи. Переходной между "центральноболгарской" и "галицко-западноболгарской" системами является "полуотметность" болгарских говоров на границе малешевско-пиринского и центрально-болгарского ареала, отраженная, например, в рукописях НБКМ 38 и Рил. 1/26: в этих говорах совмещена "полуотметность" презенса *ě/i-* и тематических глаголов а.п. *b₂* (презенс *i-* глаголов этой а.п. баритонирован и в беспривставочных формах) с "полуотметностью" в приставочных *l-* причастиях у *i-* глаголов (а также у *a/je-* глаголов типа **pъsati, *pišq*) а.п. *b*.

Особый интерес представляет развитие "полуотметности" в *ě/i-* и тематических глаголах. Характерной особенностью рефлексии презенса *e/i-* глаголов а.п. *b₂* и *c* практически во всех славянских диалектах является, при формальном совпадении презентной "темы" *-i-* этих глаголов с соответствующим формантом *i-* глаголов, отличное от последних развитие: презенсы *ě/i-* глаголов ведут себя так же, как презенсы тематических глаголов²⁸. Дело в том, что *-i-* *ě/i-* глаголов, фонетическая долгота которого реконструируется для праславянского по данным как южно-, так и западнославянских языков, морфонологически ведет себя в большинстве случаев как краткий гласный. Такой же морфонологический статус имеет и исконно краткое тематическое *-e-*, удлинение которого произошло на праславянском уровне (см. ОСА, 18), но рефлексии этого "нового долгого *e*" не совпадают с рефлексиями **ě*. Презентный формант *-i-* *ě/i-* глаголов (в отличие от квазиомонимичного форманта *i-* глаголов, восходящего к стяженному дифтонгу, и.е. **eje-*) восходит, парадоксальным образом, к балто-славянскому краткому *-i-* (ср. литов. *sėdėti*, праес. *sėdžiu, sėdi*). Видимо, презентное *-i-* *ě/i-* глаголов следует рассматривать как удлиненное раннеславянское **ī-* (аналогичное удлиненному в позднеславянском тематическому **ě-*), причем удлинение это происходило еще в период, когда раннепраславянское **ī* качественно не было противопоставлено долготу **ī*, а **ě* по качеству отличалось от **ě*. Соответственно и сдвиг ударения *ě/i-* и тематических глаголов с корня на "тему", видимо, происходил в период до удлинения (скорее всего, по аналогии с "дифтонгическим" *-ī-* *i-* глаголов) формантов **ī* и **ě-* в презенсе. В противном случае презенс тематических и *ě/i-* глаголов развивался

²⁸ Например, в штокавском соответствующие глаголы с корневой долготой (восходящие к а.п. *b₂*) имеют, в отличие от *i-* глаголов, рефлекс презентной окситонезы: *bijězati — bijězim, trpjeti — trpi, klpjeti — klpī, smřdjeti — smřdi, mŭcavi — mŭči* и т.д. В долгосложных глаголах а.п. *c* представлена корневая краткость: *sjědjeti, vřjeti* и т.д.

бы в диалектах с разными системами сдвигов аналогично презенсу *i-* глаголов²⁹.

Аористо-инфинитивная основа *ě/i-* глаголов имела доминантное акутированное *-*ě-* (> *ě/a-*): *l-* птс. **sědělъ*, 3 sg. аог. **sědě* и т.д. от глаголов а.п. *c*, поэтому в а.п. *b* на него ударение сдвигалось в раннепраславянском языке и в этой основе "полуотметные" формы фонетическим путем не могли образоваться, что подтверждается засвидетельствованными архаичными системами. Напротив, в презентных формах ударение в праславянском языке до начала процесса правостороннего дрейфа ударения находилось на корне. В дальнейшем в диалектах III и IV групп и в "праштокавском" произошел сдвиг ударения на краткий (в то время) презентный формант независимо от того, был ли слог, с которого ударение сдвигалось, начальным (в глаголах без префикса) или внутренним (в префиксальных глаголах), поэтому явление "полуотметности" в этих группах отсутствует. Напротив, в "антских" диалектах ударение сдвигалось с краткостных слогов на последующие слоги с кратким гласным только с начальных слогов и не сдвигалось с внутренних слогов: 3 sg. праес. *lěgiti > ležiti*, но *prilěgiti > priležiti* (при том, что с долготных оно сдвигалось в любой позиции: *běgiti, poběgiti > běžiti, poběžiti*). Поэтому "ресавская" и "галицко-западноболгарская" системы полуотметности *ě/i-* и тематических глаголов устроены одинаково. Различие в презентной "полуотметности" между этими системами представлено лишь в *i-* глаголах — по той причине, что в "ресавских" говорах, в отличие от западноболгарских и галицких, ударение вторично сдвигалось с начальных слогов на внутренние долготные слоги (см. выше). При этом в "полуотметности" не принимают участия и непрезентные формы *i-* глаголов с рецессивным акутированным *-i-* (галицкая ситуация несомненно вторична), т.к. сдвиг ударения на слоги с рецессивным акутом в праславянских предшественниках этих диалектов происходил независимо от положения слога, с которого он сдвигался.

Иначе обстоит дело с отличием названных выше систем от "центральноболгарской". В последней "полуотметность" отсутствует (неясно, первично или вторично) в презенсе *ě/i-* и тематических глаголов (в презенсе *i-* глаголов она не могла бы в любом случае возникнуть, т.к. беспривставочные формы а.п. *b₂* здесь регулярно баритонированы, в том числе и у долгосложных глаголов). Различие между "ресавско-галицко-западноболгарской" и "центральноболгарской" полуотметными системами заключается в том, что фонетико-просо-

²⁹ О том, что в каких-то формах приставочных *ě/i-* глаголов ударение не сдвигалось вправо с ударного слога и в зап.-славянских языках, говорит "нетипичное" сохранение долготы приставки в некоторых глаголах этого класса. Например, в чешском начиная с др.-чешского: др.-чеш. *přidržeti sě; náležeti, záležeti, přiležeti, přináležeti; snábděti; nástáti (< nástojati)*. О том, что эта долгота отражает именно накоренное ударение, говорят соответствующие формы глаголов а.п. *a*: *záviděti, návíděti*, совр. *závisěti, souvisěti, přislušeti*. Аналогичные формы известны из словацкого и лехитских языков. Первым из значения этих форм для объяснения украинских "полуотметных" обратил внимание Л.А. Булаховский (Булаховский Л.А. Акцентологический комментарий к чешскому языку. Вып. 2, 3. Киев, 1956. С. 120).

дические условия образования последней были совершенно иными: "центральноболгарская" полуотметность есть ничто иное как продвинутый вариант "архаической староболгарской" системы акцентуации (см. табл. 1), в которой, как известно, в а.п. b_2 ударение не сдвигалось вправо на последующие слоги с рецессивным акутом. "Центральноболгарская" полуотметность отражает систему, в которой в этой позиции ударение не сдвигалось на слоги с рецессивным акутом, находясь на внутренних слогах (в данном случае в приставочных формах) и сдвигалось с начальных, при этом количество корневого гласного не имело здесь значения.

Характерно, что в переходной системе, отраженной, в частности, в рукописях НБКМ 38 и Рил. 1/26, в которой презенс i -глаголов а.п. b_2 ведет себя по "антскому" типу (баритонированные презенсы от краткосложных: окситонированные от долгосложных глаголов), "полуотметность" в аористно-инфинитивной основе характерна только для краткосложных глаголов.

Видимо, в болгарских системах западной окраины центральной зоны, подобных представленной в этих рукописях, при сдвиге "антского" типа (т.е. только с долготных слогов на следующие долготные) слоги с рецессивным акутом вели себя аналогично циркумфлектированным долготным. Об этом, видимо, свидетельствуют и некоторые словообразовательные модели. Например, в слове Н. Герова (уроженца Копривштицы) акцентовка прилагательных с суф. $-en-$, имевшем праславянский рецессивный акут, распределяется идентичным образом: а) от краткосложных основ: *стѣклен*, *огнен*, *конѡпен*, *овѣсен*, *смѡлен*, *вѡсчен*; б) от долгосложных основ: *платнѣн*, *влакнѣн*, *сукнѣн* (*сукнен*), *власѣн* (*власен*). Таким образом, хотя принципиальное устройство механизма "полуотметности" в "ресавско-галицко-западноболгарской", с одной стороны, и в "центральноболгарской" системе одинаково, точки приложения этого механизма различны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, новые данные акцентологии:

а) Подтверждают существование в позднепраславянскую (возможно, отчасти и в более раннюю) эпоху значительных (применительно к близкородственным диалектам) различий, многие из которых сформировались задолго до расселения славян на обширных территориях. Современные диалектные ареалы (южно-, восточно- и западнославянский) оказываются гетерогенными, сложившимися из позднепраславянских диалектов, "продолжения" которых находятся в настоящее время в отдаленных друг от друга лингвогеографических ареалах, нынешняя цельность которых является в ряде случаев результатом конвергентного развития. В частности, этим объясняется тот факт, что не имеется ни одной специфической "общеюжно-", "общевосточно-" или "общезападнославянской" акцентной изоглоссы³⁰.

³⁰ Речь не идет, разумеется, о таких вторичных процессах, как, например, утрата количественных противопоставлений в вост.-славянских языках или разноместного ударения в большинстве зап.-славянских.

Примером может служить древнее специфическое родство отдельных компонентов южнославянского диалектного континуума с диалектами, входящими в настоящее время в другие славянские ареалы. В частности, часть словенских и кайкавских говоров связана с лехитскими поморскими говорами; чакавские диалекты типа говора о. Суска — с "ресавскими" штокавскими, западноболгарскими и малешевско-пиринскими македонскими говорами, галицкими украинскими говорами, "кривичскими" белорусскими и великорусскими говорами, белорусскими, говорами Посожья, юго-западными чешскими и вернелужицкими говорами; штокавские говоры "литературного типа" (в т.ч. славонские) — с подольскими украинскими говорами; чакавские диалекты типа говора о-вов Хвара и Брача и старохорватские говоры, в средние века располагавшиеся в междуречье Уны и Купы — с полесскими белорусскими и украинскими, словацкими говорами; "торлакские" сербские говоры типа пиротских — с восточноболгарскими говорами типа тырновских, к ним же по многим древним признакам близки зета-ловченские штокавские говоры.

б) Подтверждают древнее формирование во многих отношениях кардинально различных в акцентологическом отношении, характеризующих особым набором изоглосс (ряд из которых представляют собой органически не связанные между собой инновации) позднепраславянских диалектных группировок (возможно, их можно считать праславянскими диалектами), наиболее крупными из которых являются II ("антская") и III ("словенская"). Новый взгляд на направление развития раннепраславянской акцентуационной системы в позднепраславянских диалектах, расценивая процесс правостороннего дрейфа ударения как многоступенчатый, дает возможность установить степень архаичности позднепраславянского диалекта-предшественника той или иной засвидетельствованной диалектной системы.

С другой стороны, удается установить относительную хронологию некоторых древних акцентологических изменений. Так, например, мы в праве рассматривать сокращение конечных долгот, осуществлявшееся по разным правилам с позднепраславянских диалектов-предшественников II и III групп, как предшествовавшее правосторонним сдвигам ударения на конечный слог.

в) Поэтому со всей серьезностью можно поставить вопрос о создании исторической лингвогеографии славянских языков (диалектов), которая позволила бы воссоздать реальную картину лингвогеографического членения позднепраславянского языка.

Докл. — Булатова Р.В., Дыбо В.А., Николаев С.Л. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988.

Дыбо В.А. — Дыбо В.А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.

Дыбо В.А. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумный (материалы к реконструкции). II. Некоторые дополнения и уточнения к характеристике ряда южнославянских акцентных систем презенса // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983.

Ев.-апр. 7364 — Евангелие-апракос (сербская рукопись начала XV в) ГБЛ, отдел рукописей, ф. 178, № 7364.

Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зогр. 151 — Сборник: среднеболгарская рукопись.

Илич-Свистыч В.М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.

"Книги царств" — старосербская рукопись 1418 г. (писѣ се сѣ книга въ подкрѣпѣи горѣ прозрака близъ храма прѣчѣстые бже ѣже на любостыни л. 3336; писец Досифей, в миру Моисей л. 334а). Одесская гос. народная б-ка.

- НБКМ — Народная библиотека "Кирилл и Методий". София.
- НБКМ 38 — Евангелие (западноболгарская рукопись XV в.). НБКМ, рукописный отд., № 38. Написана тем же писцом, что и Рил. 1/26.
- НБКМ 93 — Апостол (болгарская рукопись конца XIV в.). НБКМ, отд. рукописей, № 93.
- НБКМ 680 — Сборник слов и житий (сербская рукопись XV в.). НБКМ, отд. рукописей, № 680.
- НБКМ 889 — Апостол (старосербская рукопись XV в.). НБКМ, отдел рукописей, № 889.
- Николаев С.Л. Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989.
- Николаев С.Л. Восточнославянские акцентологические изоглоссы // Исследования по исторической грамматике и лексикологии. М., 1990.
- Николаев С.Л. К реконструкции праславянских тематических глаголов с корнями на шумный // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. Тезисы докладов. М., 1991.
- Николаев АДЦ — Николаев С.Л. Сравнительно-историческая акцентология и лингвогенез славян. Научный доклад на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1992.
- ОСА — Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Рил. 1/26 — Сборник слов и житий (западноболгарская рукопись XV в.). Б-ка Рильского монастыря, № 1/26 (роспись сделана по ксерокопии, хранящейся в отделе рукописей НБКМ). Написана тем же анонимным писцом, что и НБКМ 38.
- РЛПУ — Русское литературное произношение и ударение под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова. М., 1960.
- СДЗб — Српски дијалектолошки зборник. Београд.
- Служ. Евф. — Службеник патриарха Евфимия Тырновского: среднеболгарская рукопись, 1370 г. (отметка сделана более поздним почерком). Б-ка Афонского Зографского монастыря, № 1. Изд.: Сырку П. К истории исправления книг в Болгарии. Спб., 1890. Т. I, вып. II.
- Bartoš Fr. Dialektologie moravská. Díl II. Nářečí hanácké a české. Brno, 1895.
- Gebauer J. Historické mluvnice jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. II Časování. Praha, 1958.
- Lorenz Fr. Gramatyka pomorska. T. III. Wrocław etc., 1962.

II

Е.М. Верещагин

ЯЗЫКОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВОУЧИТЕЛЕЙ СЛАВЯН КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ: К УТОЧНЕНИЮ ВКЛАДА ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Во время диспута с хазарскими иудеями Кирилл Философ по крайней мере дважды проявил себя и как Филолог. (Именно так! С большой буквы.) Анализируя лексическую пару *идоль* и *икона*, он показал громадное смысловое различие между этими словами (X, 83)¹. Он также говорил о тождестве значений лексем *законъ* и *завѣтъ*. Первую пару мы рассмотрели в другом месте², а сейчас сосредоточимся на предположенной Кириллом, но отнюдь не очевидной синонимике богословских терминов "законъ" и "завѣтъ". От обстоятельного анализа двух конкретных слов мы надеемся в дальнейшем перейти к обсуждению общих вопросов, касающихся роли древнееврейского языка в славянском языкотворчестве первоучителей.

Отстаивая свою веру, хазарские иудеи использовали аксиоматичный для них аргумент: надо держаться сáмого первого откровения Божия. Они спросили Кирилла: *скажи же нам, который законъ дастъ богъ челоуѣкомъ пръвѣне, Мусеов' ли или иже въи дръжите.* Распознав, что стоит за вопросом, Филосов уточняет: *сего ли ради въпрашаєте, да пръвѣи законъ дръжите?* Он получает ожидаемый утвердительный ответ: *еи, пръвѣи бо подобаетъ.* Иными словами, иудеи были уверены, что именно они исполняют самый первый "законъ". Отсюда они заключали, что вера христиан, явно отступивших от первого "закона", тем самым сомнительна.

Опытный полемист обычно переносит бой на собственную территорию противника. Так и Кирилл в ходе дальнейшего диспута на время принимает аксиому иудеев об обязательности первого откровения. Но теперь он доказывает, что ни "законъ Моусеовъ" (4), который иудеи полагали первым, ни даже "законъ данъ въ обрѣзании" (9), т.е. закон Авраама, — а он намного древнее Моисеева, — не суть первые обетования Бога людям. Философ напоминает о праотце Ное: *не Ноєви ли богъ законъ дастъ пръвѣ /.../, завѣтомъ нарицає законъ? рече бо к нему: се азъ въздвижу законъ мой с тобою и съ сѣменемъ твоимъ и въсєє землє, трьми заповѣдми дръжимь.* Кирилл близко к тексту книги Бытия воспроизводит эти заповеди (13—14), — они содержат пищевые наставления и запрет проливать кровь человека (Быт 9,3—7), — но среди них нет заповеди обрезания (которая, как известно, будет дана лишь Аврааму).